

Драко

Чешуя

Отсюда, с холма, вид напоминал древние пасторальные картинки – из тех, что за гроши продавались в киосках. Красиво, уютно, ярко. Штампованные в дряхлых типографиях сады Эдема, безымянные иллюстраторы, давным– давно утратившие надежду стать художниками. «Дорогой(ая) (вписать имя), сердечно поздравляю вас (вписать повод) и желаю (...), всегда ваш(а) (подпись).»

«Зачем я здесь»? – спросил себя дракон. – «Я знаю обо всем, что произойдет сегодня, завтра, через год...»

Космический корабль на фоне уныло– райского пейзажа смотрелся чудовищно. Да, подумал дракон – здесь чудовищами кажутся машины, а не драконы. Даже божественно прекрасные, изумительные, совершенные механизмы, рожденные летать меж звезд.

Сорок– три– тысячи– какой-то обитаемый мир, полностью идентичный сорока трем тысячам других. Семьдесят лет непрерывных, абсолютно одинаковых встреч, вплоть до безумия, до нервных судорог. Двадцать пять тысяч пятьсот шестьдесят семь дней и сорок три тысячи контактов. В среднем, по десять часов на каждый, плюс четыре часа отдыха, пока звездолет мчится к следующей системе...

Раньше дракон пытался как-то разнообразить рутину, выдумывал всякие эффектные трюки, менял свое обличие, даже пробовал маскироваться под зверя. Тщетно. Поддавались лишь крошечные нюансы – результат оставался незыблем.

Вот и сейчас, все катилось по рельсам. Дракон с болью и тоской наблюдал, как в его сторону мчится одинокий конник – наблюдал в сорок– три– тысячи– какой-то раз. Ничего не менялось. Никогда. Нигде. Даже масть лошади. Даже узоры на плаще, что бился за плечами всадника.

– Дракон! – вскрикнул человек, взлетев на холм к сверкающему чуду звездолета и, внезапно, обнаружив перед собой огромного золотистого ящера. Лошадь, захрапев, встала на дыбы, всадник едва удержался в седле. Крылатый опустил голову.

– Я не причиню вреда, – сказал он грустно. – Не бойся. Я скоро улечу обратно, в небо.

«Сейчас он поразится, что я умею говорить...»

– Ты говоришь?! – воскликнул всадник, с трудом сдерживая испуганную лошадь.

«Вот и все» – горько подумал космонавт. Еще один шанс потерян. Еще одна бесполезная планета. Можно улетать, но, небо, как же он устал... Как же устал...

– Дракон? – с опаской позвал человек.

Крылатый зажмурился. Ветер шелестел травой, солнце приятно грело чешуйки на спине. Ответить? Зачем? Где смысл?

– Да, я умею говорить, и это мой корабль, что летает меж звезд, – мрачно сказал космонавт, указав крылом на титановый небоскреб позади. – Нет, я не шучу. Да, я дракон. Нет, я не стану никого убивать, похищать, сжигать, насаживать на когти или заколдовывать. Да, ты правильно расслышал. Нет, ты не спишь. Да, я настоящий. Нет, я не маг. Да, у меня есть имя. Нет, я не вижу смысла его раскрывать. Да, ты ничего не понимаешь. Нет.

Ошарашенный человек, моргая, смотрел на чудовище. Дракон молча сидел в траве и, тоскливо, глядел на свои жуткие лапищи. Когда первый шок прошел, всадник, каким-то чудом совладав с собой, осмелился задать вопрос:

– Что «нет»?

– Ничего, – грустно отозвался дракон. – Я специально так закончил фразу, чтобы тебе было легче начать разговор.

Повисла тишина. Когда она стала напряженной, крылатый решил подбодрить собеседника:

– Ты ведь принц, верно?

Всадник, сглотнув, заставил себя кивнуть.

– О– о– откуда з– з– знаешь?

– Это долгая история, – тяжело сказал дракон. – Меня всегда встречают принцы. Так получилось.

Человек сильно вздрогнул. Стиснув зубы, он спешился и, бледнея на глазах, сделал шаг навстречу чудовищу, не снимая руки с шеи испуганной лошади.

– Откуда ты? – спросил с волнением.

Дракон долго не отвечал. Когда же, наконец, поднял голову, в его малахитовых глазах отражалось столько боли, что принца передернуло.

– Я ищу свою любимую, – тихо сказал крылатый. – Семьдесят лет назад она сказала, что больше не может. Вокруг было слишком много боли, слишком мало света. Она задыхалась. Ее трясло днем и ночью, я не мог ее успокоить. Она задыхалась, а я любил ее гораздо сильнее, чем жизнь, я сходил с ума, и тогда – всего на миг – любовь меня ослепила, и я ее отпустил.

Дракон, с хрустом, сжал когти.

– Она отправилась в один из ваших миров. Спасать все, что сможет. Я ищу планету, куда она полетела, уже семьдесят лет, я осмотрел более сорока трех тысяч систем. Но все безнадежно. С тем же успехом я мог бы осмотреть сорок три миллиарда.

– Сорок три... что? – робко спросил принц.

Дракон опустил голову.

– Неважно, – бросил он глухо. Помолчал, глядя на траву. Свежая, сочная зелень - запах ласкал ноздри, от земли поднималось влажное живое тепло. Крылатый, на миг, ощутил жгучую, непереносимо – горькую, бессильную злость. Зачем он здесь? Зачем продолжает бороться?

– Я уже знаю, что ты не встречал моей любимой – тихо произнес дракон. – Но, все равно, спрошу. Ответь, человек, видел ли кто-нибудь в твоих краях прекрасную фиолетовую драконессу? Моя любимая на меня не похожа, – с болью добавил крылатый, – Она богиня жизни и не всегда выглядит... как ящерица. Но узнать ее можно мгновенно и в любом обличе.

Принц отпрянул:

– Я впервые вижу дракона!

– Да, – космонавт тяжело вздохнул. – Я знаю. Но надежда, она... Как любовь. Слепая.

Пораженный человек подался вперед:

– Так ты ведешь рыцарский поиск?! Дама твоего сердца затерялась на чужбине, и лишь путеводная звезда Любви озаряет твой путь сквозь вечную Тьму?!

Дракон с трудом улыбнулся, слегка растянув тонкие чешуйчатые губы.

– Точнее и не скажешь.

Вновь воцарилась тишина. Неожиданно, взволнованный принц сорвал широкую алую шляпу с пером и отсалютовал громадному ящеру.

– Удивительно! – воскликнул он. – Я давно разочаровался увидеть на своем веку хоть одного истинного рыцаря, и, какова ирония, наконец, встретил его в драконе!

Смело приблизившись, он взглянул прямо в горящие изумрудные очи.

– Я помогу в поисках! Мы разошлем гонцов во все уголки королевства, отправим корабли за море!

– Спасибо, – тепло отозвался крылатый. – Но в этом нет нужды. Моей любимой нет в вашем мире.

Принц недоверчиво покачал головой:

– Дракон, королевство огромно! Твоя подруга могла попасть в дремучие леса Гиблоземья, укрыться в пещерах Опрокинутых Гор, поселиться на острове в океане Тоон, затеряться среди огнедышащих сопок необжитой Северной Грани, где никто ее не заметит и за тысячу лет!

Крылатый горько улыбнулся.

– Время в ваших мирах не двигается, – ответил он негромко. – Вы оживаете только с появлением наблюдателей, мы «включаем» каждый мир, куда прилетаем. В последней радиограмме любимая сообщала, что совершила посадку на этом холме и встретила принца... – дракон опустил веки. – Вот, почему я знаю.

– Время не двигается? – переспросил принц. – Миры оживают? О чем ты говоришь?

Дракон, помедлив, бросил взгляд на корабль. Милосердие требовало немедленно улететь, но ведь этот человек был к нему добр, искренне ощущал сострадание. Будет ли справедливо причинить ему столько боли?

А если молчание причинит еще большую боль?..

– Дракон? – с дрожью позвал принц.

Космонавт опустил голову.

– Если расскажу, ты испытаешь страдание, – произнес он совсем тихо. – Но мир, однажды открытый, продолжает существовать и развиваться, а значит, впереди у тебя

долгая жизнь. Я не уверен, что теперь, когда тебя гложет вопрос, эта жизнь будет счастливой.

Он помолчал. Затем, тяжело вздохнув, бережно поднял могучую лапу и, когтем, легонько дотронулся до запястья человека.

Когда принц очнулся, день уже догорал. Деревья и колоссальный титановый дворец– звездолет отбрасывали длинные, четкие тени, небо алело немислимым богатством оттенков. Успокоившаяся лошадь мирно щипала травку в паре шагов от хозяина, дракон молча смотрел вдаль. Потрясенный, раздавленный внезапно открывшейся правдой, принц с ужасом посмотрел на крылатого гостя.

– Так значит... Весь мир... Все миры... Под всеми звездами?!..

– Да, – глухо сказал дракон.

– Везде?!

– Да.

– Но как?! Почему?!

Крылатый опустил голову.

– Это была ошибка. Крохотная ошибка. Крохотная настолько, что никому не казалась опасной. Где-то во Вселенной, мы уже никогда не узнаем, где именно, неведомое существо пыталось воплотить наяву свои детские мечты о драконах, принцах и колдунах. Оно забыло, что взрослые не верят в сказки, а если, даже, и пробуют – у них, вместо сказок, получается смерть.

Дракон дернул хвостом.

– Все казалось таким логичным... Создать крохотную, невидимую простым глазом машину, умеющую только собирать собственные копии из любого вещества. Придать армии таких машинок более общее задание – пусть образуют из самих себя целый мир, мир красивых грез, мир безграничной фантазии...

Ящер скрипнул зубами.

– Никто не догадывался, чем обернутся в реальности слова о фантазии, не имеющей границ. Первая крохотная машинка собирала свою копию целый час, затем, уже вместе, две машинки собрали еще две... Четыре собрали еще четыре, восемь – еще восемь. Через десяток часов их было уже не тридцать шесть, а шестьдесят восемь миллиардов. К вечеру, невидимые глазом крошечные машинки уже весили как

огромный дворец, на следующее утро их суммарная масса превысила размеры планеты, а ещё через четыре часа они поглотили Солнце и все, что его окружало. Ведь в вакууме, на самом деле, не пусто... За последующие девять недель, вся Вселенная оказалась переработана в бесконечную, идеальную, абсолютно совершенную матрицу из абсолютно одинаковых миров.

Крылатый с тоской обвел глазами горизонт.

– Мы никогда не узнаем, на что была похожа эта планета, – сказал он горько. – Быть может, здесь тянулась безжизненная, ледяная равнина, а быть может – бушевала прекрасная дикая жизнь. Неведомые существа могли строить хрустальные города, или ужасные тюрьмы, великие живописцы творили гениальные полотна, или, бездумно, тыкали кистью в мольберт... Мы никогда не узнаем.

Дракон посмотрел в небо.

– Ты не поверишь, но раньше звезды были разноцветными, – прошептал, не замечая, как по чешуе текут жгучие слезы. – Небо сводило с ума, завораживало, наполняло сердце огнем. Любой мог жить вечно, и за целую вечность не увидеть даже крошечного осколка от крохотной частички Вселенной.

Крылатый зажмурился и долго стоял неподвижно. Его качало от боли.

– Мы с моей любимой... Нам просто повезло. Мы родились драконами, задолго до катастрофы, структура нашего мозга почти не отличалась от запрограммированного в микромашинах чертежа «сказочного дракона». В тот миг, когда волна пришла и переработала нас вместе с планетой, запись нашего сознания мчалась в космической пустоте от передатчика к приемнику в системе межзвездной связи. Так к нам вернулись воспоминания... И с тех пор... Мы... Она... Она больше не могла выносить все это. Она задыхалась, понимаешь, человек?! Задыхалась! Она хотела спасти хоть что-то... А я... Я любил ее, любил слепо, безумно! И отпустил... – дракон всхлипнул. – Я не понимал... Во Вселенной, где звезды и планеты абсолютно одинаковы... Как искать?..

Повисла страшная тишина. Наконец, крылатый, с болью втянув воздух, понурил голову.

– Прости за отнятое время, – сказал он глухо. – Мне пора. Взлет корабля безопасен, но мощные вихри, которые он породит, могут сбить тебя с ног и поранить лошадь. Скачи прочь, принц.

Человек отпрянул:

– Но как же... Ты... Улетаешь?!

– Я спешу, – грустно отозвался крылатый. – Мне предстоит вечно искать любовь, и я не уверен, что вечности хватит. Прощай.

Встав на ноги, дракон, с бесконечной усталостью, поплелся к раскрытому люку. Хвост и крылья волочились по земле. Изумленный, растерянный принц провожал его взглядом.

– Постой! – вскрикнул он, когда ящер уже поднялся по трапу и готовился скрыться за сверкающей титановой броней. – Я не понимаю! Ты сказал, все наши миры совершенно одинаковы, и ты всегда встречаешь... Меня... – принца передернуло. – Но если это уже тысячи раз повторялось, если мы, при каждой встрече, говорим друг–другу одни и те же слова, как же ты надеешься услышать в тысячу первый раз что-то другое?!

Дракон зажмурился от боли.

– Я не надеюсь, – сказал он мертвым голосом и скрылся в корабле. Люк с тихим жужжанием занял свое место, над ним вспыхнуло табло обратного отсчета – две минуты.

Потрясенный принц закрыл лицо руками. Его лошадь, бросив на корабль внимательный взгляд, прекратила щипать траву, подошла к человеку и ласково толкнулась носом в плечо.

– Все будет хорошо, – сказала она нежно. В светло–аметистовых, бездонных глазах отражалась сложная гамма чувств. – Не плачь.

– Я... Ты... Не предупредила... – принц всхлипнул. – Почему? Я... Не понимаю... С тех пор, как ты прилетела... Ты только и рассказывала... О нем... О том, как счастливы вы были вместе... А сейчас... Разве ты не хочешь к нему вернуться?!

– Не просто хочу, – тихо сказала богиня. – Я отдала бы за это весь мир. Тысячу раз по тысяче миров. Но миров гораздо больше, чем тысяча тысяч, – она подняла голову и посмотрела в вечернее небо, где уже начинали проступать звезды. Не так, как

раньше, до катастрофы – ведь ярких и тусклых больше не существовало. Но все равно красиво.

– Ваши планеты выключены, пока не прилетаем мы, – богиня с горечью зажмурилась. – Если я вернусь, если мы с любимым вновь обретем счастье... Мириады живых существ так никогда и не узнают, что такое жизнь. Вот, почему я ушла, – ее голос впервые дрогнул. – Ведь он никогда не перестанет меня искать. Просто не сможет. А значит, рано или поздно... Через миллиарды лет... Вселенная вновь оживет.

Она понурила голову.

– Разве такая цель не стоит счастья двух драконов?

Цифры на табло неумолимо отсчитывали секунды.

Конец